

Наташа Айверс

Каркассон

Айверс Н.

А11 Каркассон / Наташа Айверс. – М.: Литнет, 2026. – 208 с.

ISBN 978-5-521-94182-7

Франция, 1208 год. Юг, где солнце палит нещадно, а свобода ценится дороже жизни. Но мирный Лангедок вот-вот станет ареной кровавой бойни. В тени роскошных замков, среди виноградников и узких улочек, уже слышен предвестник войны – Церковь объявила еретиков своими врагами, и крестоносцы готовятся к наступлению.

Ги де Монфор – кузен безжалостного Симона де Монфора. Он не фанатик, не политик, а просто воин, привыкший исполнять приказы. Его путь ведёт в Тулузу, на рыцарский турнир, где честь меряют не властью, а силой меча. И там он встречает её. Юную девушку с изумрудными глазами, что сражает его сердце сильнее любого копья. В одно мгновение весь мир сужается до одного взгляда, до одного слова, до одного желания. Но судьба насмехается над ним. Он не может назвать её своей. Она – Дама замка Каркас. Жена другого.

Война приближается. Осада замка Каркас неизбежна. Ги придётся сделать выбор: остаться верным кузену и Церкви или попытаться спасти женщину, которая никогда не сможет принадлежать ему. Когда рушатся стены, когда пламя пожирает города и сёла, когда одни рыцари становятся героями, а другие – палачами, останется ли хоть что-то сильнее власти меча? Или любовь – всего лишь ещё одно поле битвы?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94182-7

© Литнет, 2026

© Айверс Н., 2026

Пролог

Август 1208 года, Юг Франции

Лангедок – край, непохожий на остальную Францию. Здесь солнце палило ярче, виноградники простирались до горизонта, а реки, впадающие в Бискайский залив и Средиземное море, были словно дорожные артерии, связывающие эту землю с богатейшими торговыми городами. В воздухе витал аромат спелого инжира и лаванды, а улицы наполнял говор торговцев, паломников и рыцарей. На рынках можно было встретить как крестьян, продающих оливковое масло и сыр, так и дальних путешественников из Арагона и Италии, предлагающих изысканные ткани, привезённые с Востока. В тавернах пели трубадуры, слагая баллады о любви и доблести, но под этой кажущейся идиллией таились расколы, грозившие уничтожить этот цветущий край.

Лангедок был независим в своей душе. Его земли управлялись не королём Франции, а могущественными виконтами и графами, связанными сложной сетью вассалитета. Здесь говорили не на французском, а на мягком и певучем окситанском языке, а законы часто основывались не на королевских указах, а на старых местных традициях. Однако ни одна свобода не могла долго оставаться бесспорной, особенно если она противоречила интересам сильных мира сего.

Католическая церковь видела в Лангедоке опасное гнездо ереси. Катары, или «чистые» (от окситанского *cathar*), отвергали богатства, роскошь, власть епископов и даже саму идею о добром Боге, создавшем материальный мир. Они считали этот мир тюрмой, а единственным спасением – отказ от всех земных благ. У них не было храмов – их служители, называемые совершенными, ходили в простых серых одеждах, жили в бедности и проповедовали отказ от греховной жизни и тщеславия.

Для Папы Иннокентия III катары были как бельмо на глазу, как нарыв, который необходимо вскрыть. Он призывал к изгнанию катаров и к их обращению в истинную веру. Но Лангедок не спешил выполнять эти требования. Катары упорствовали в своих убеждениях и отказывались обращаться в католичество, а местная знать видела в них союзников в борьбе против усиливающегося контроля Рима и французской короны.

Ги де Монфор ехал в Лангедок, следуя приказу кузена.

Его седло скрипело в такт размеренной рыси коня, а в дорожной сумке покоились запечатанные письма, которые он предпочитал не читать. Он был воином, а не политиком. Интриги Симона его не интересовали, но он знал, что кузен использует религию как оружие – во имя собственной власти и выгоды, прикрываясь благородными лозунгами. Ги с детства видел в доме дяди, как легко его сын отдаёт приказы на убийства, изгнания, как вершит казни без пощады и даже намёка на правосудие.

Он давно научился не задавать вопросов, не вдумываться в последствия приказов, которые исполнял слепо, словно карающий меч, рассекающий плоть. Как говорила его покойная матушка, меньше знаешь – лучше спишь. И он старался следовать этому правилу, сосредотачиваясь на том, что умел и любил – военном искусстве. В умении управляться с оружием, в стратегии на поле боя и турнирах ему не было равных, несмотря на его молодость.

Вот и сейчас он ехал на турнир – показать себя, своё мастерство, завязать знакомства, установить связи. Для его кузена, этот турнир был не просто состязанием – он был ареной для политических игр, способом заручиться поддержкой влиятельных союзников.

Когда он проезжал мимо замка Каркас, его взгляд невольно задержался на его мощных стенах, возвышающихся над склонами холмов. Поля с вьющимися лозами винограда простирались к горизонту, золотясь под лучами августовского солнца. Где-то вдалеке слышались песни крестьян, собирающих урожай. Ги на миг задумался.

мался: что будет с этими людьми, если начнётся война? Ведь эти земли лежат на пути в Тулузу. Если его кузен решит идти войной на Лангедок, Каркас станет первой жертвой. Его стены устоят недолго, а его жители познают на себе, что значит гнев Церкви и мечи крестоносцев.

Но что ему оставалось? Он был младшим сыном, без земли, без наследства. После смерти отца его отослали в дом дяди, где он стал лишь пешкой в игре сильных мира сего. Он просто выполнял свой долг, пусть иногда и с тяжестью в сердце.

Поэтому он не задавал вопросов, когда его отправили в замок Раймона VI в Тулузе. Он должен был передать письма, встретиться с нужными людьми, получить их ответы и сведения для кузена. А заодно – принять участие в турнире, который должен был скрыть его истинную миссию от местных лордов.

Он не хотел вмешиваться в политические игры. Он отправился в Лангедок, не желая знать, какой кровавый след оставят после себя письма, которые он вёз. Он не собирался вглядываться в лица тех, кому он их передаст. Но это не означало, что он не понимал, что творит его кузен.

Он не хотел войны. Он её не искал. Но он знал, что однажды она найдёт его сама. И тогда ему придётся выбирать, на чьей он стороне.

И лучше уж ему выбрать кузена и Церковь.

Потому что либо ты с Церковью, либо против неё.

А если против – считай, ты уже мёртв.

Глава 1

Август 1208 года, Тулуза, Лангедок

Терпкий аромат жареного мяса смешивался с пряными нотами розмарина, тимьяна и лаванды, что прятались в складках плащей знатных дам. Эти травы здесь использовали не только в кухне, но и в повседневной жизни: сушёные пучки благородные дамы носили при себе, прятали между складками одежды или вшивали в подолы платьев, чтобы защититься от дурных запахов и, как говорили лекари, от «зловредного воздуха», несущего болезни.

Лёгкий ветерок, пробегая над трибунами, приносил с собой запах молодой брожёной яблочной наливки, настоящей на меду и пряностях. Южные земли славились своими винами и фруктовыми настойками, и их разливали в деревянные кубки, не дожидаясь вечера.

Толпа гудела – рыцарские турниры были не только демонстрацией доблести – это было зрелище, захватывающие и жестокое, не уступающее по накалу страстей азартным играм. Мужчины переговаривались, делая ставки, перемигиваясь друг с другом, звеня монетами в кожаных кошельках. В отличие от северных земель, где ставки делали скорее ради чести и престижа, здесь, в Лангедоке, это было делом серьёзным. Проиграть можно было не только золото, но и земли, а то и свободу.

В ожидании сражений публика не теряла времени: торговцы сновали между рядами, предлагая инжир, жареные каштаны, свежее испечённый хлеб и нежный молодой сыр – только что снятый с пресса, ещё влажный, с тонким ароматом луговых трав, на которых паслись козы. Менестрели воспевали подвиги минувших лет, надеясь заслужить щедрость знатных господ. Но всё это было лишь прелюдией. Настоящий азарт охватит трибуны, когда трубы возвестят начало поединков.

Женщины, спрятавшись за тонкими шёлковыми вуалями, наблюдали за рыцарями, пряча улыбки, но их взгляды выдавали возбуждение. Они шептались между собой, обсуждая фаворитов турнира – кто сегодня покажет себя достойным, кто выйдет победителем, а кто уедет отсюда с позором. Здесь, в южных землях, женщины не были лишь безмолвными зрительницами или украшением рыцарских пиров, но и их активными участницами – их одобрение значило не меньше, чем благосклонность самого виконта.

Тулузский турнир был не просто развлечением, не просто зрелищем, ради которого рыцари облачались в сверкающие доспехи. Здесь заключались союзы, крепились клятвы вассалов, передавались тайные послания. Порой одно рукопожатие значило больше, чем подписанный договор, а один удачно проведённый бой мог изменить судьбу.

Турнир собирал не только рыцарей, но и знатных лордов, вассалов, торговцев, наёмников, купцов, ремесленников, трубадуров и даже жонглёров, готовых за несколько медяков развлекали публику. Для одних это был шанс показать доблесть, заработать земли или расположение могущественного сеньора. Для других – возможность заключить выгодные сделки, продать оружие, ткани, лошадей. А кто-то приходил сюда просто ради игры, веселья, тех мгновений, когда человеческая жизнь висит на волоске, когда победу от поражения отделяет всего один удар копья.

Виконт Раймон VI устраивал подобные состязания не только ради зрелищности, но и чтобы продемонстрировать свою силу, напомнить вассалам о своём господстве и, быть может, удержать тех, кто сомневался, на своей стороне.

В отличие от холодного и строгого Севера, где турниры сопровождались чопорным придворным этикетом, в Лангедоке всё было иначе. Вино лилось рекой, рыцари пели с трубадурами, а дамы не смущались делать тайные ставки на победителей. Вечерами устраивались «Куртуазные игры» – состязания не только в военном

искусстве, но и в остроумии, поэзии, танцах. Победитель турнира мог рассчитывать не только на богатые дары, но и на поцелуй прекрасной дамы – знак благосклонности, порой значивший не меньше, чем выигранная золотая цепь, вручённая в знак триумфа и рыцарской доблести.

Но прежде чем копья скрестились на ристалище, знатных гостей принимали в главной резиденции виконта Раймона VI Тулузского. Замок возвышался над Тулузой, словно каменный страж, наблюдающий за городом. Его мощные стены, сложенные из грубого песчаника, когда-то сиявшего тёплым золотисто-медовым оттенком, со временем потемнели, покрылись тёмным налётом и трещинами, но не утратили своего величия. В центре возвышался донжон – массивная четырёхугольная башня, символ власти и последняя линия обороны в случае осады.

Высокие, зубчатые стены обнимали внутренний двор, защищая от непрошенных гостей. Вдоль них располагались меньшие башни с бойницами, а за ними виднелись крыши зданий замкового комплекса. Ворота, увенчанные гербом виконта – золотым крестом на красном поле, – были открыты, и стражники в тёмно-красных накидках с вышитыми тулузскими крестами зорко следили за прибывающими.

По обе стороны от ворот тянулись рвы, заполненные водой, через которые вёл крепкий подъёмный мост. В это утро он был опущен, и поток гостей – рыцарей, вассалов, торговцев и прислуги – свободно направлялся внутрь.

Во дворе шумела жизнь. Слуги сновали туда-сюда, виночерпии выносили кувшины с налитым вином, оруженосцы проверяли амуницию своих господ перед предстоящими поединками. В воздухе витал аромат свежееиспечённого хлеба, пряных трав и сладкой медовухи.

Гостей принимали в большом рыцарском зале, сердце замка, где решались важные дела и проходили пиры.

Зал был просторен, с высокими стрельчатыми окнами, пропускавшими дневной свет, и массивными балками, поддерживающими каменный свод. По стенам развешаны гобелены, изображающие сцены битв, охоты и святых чудес. Их богатые краски смягчали суровый облик зала, делая его не просто военным укреплением, но местом, где вершилась судьба земель.

Вдоль стен стояли длинные деревянные столы, покрытые вышитыми скатертями, а у самого центра зала – возвышение с главным столом для знати. Там уже были расставлены кубки из чеканного серебра, кувшины с вином, блюда с нарезанными фруктами.

В углу зала находился большой камин, где потрескивали дрова, отбрасывая на стены пляшущие тени. На полках у камина стояли керамические сосуды с благовониями – ладаном и миррой, которые использовались не только в религиозных целях, но и чтобы перебить запахи замкового быта.

Массивные дубовые двери, ведущие в личные покои виконта, распахнулись и Раймон VI вышел приветствовать гостей.

Его двор кипел жизнью: глашатаи громко объявляли титулы прибывающих рыцарей, трубадуры воспевали доблесть знатных воинов, вино подавали в серебряных кубках, а слуги бесконечно подносили новые блюда – жареных фазанов, пропитанных пряными травами, ягнёнка с шафраном, белый хлеб, сладкие фрукты и сыр.

Смех, пение, звон кубков и громкая музыка наполняли пиршественный зал.

В этой суете Ги де Монфор чувствовал себя чужаком.

Всё здесь было иначе: звучал окситанский язык, улицы были шире, светлее, воздух пропитан ароматами средиземноморских трав и вина, а гордый дух Лангедока чувствовался в каждом разговоре. Даже в поведении знати сквозило нечто непривычное для него – лёгкость, и даже дерзость. Эти люди, казалось, не боялись своего господина, они выказывали уважение, но не пресмыкались.

Рядом с Раймоном VI стоял молодой мужчина – высокий, статный, с ясным взглядом и осанкой, говорящей о знатном происхождении.

Его одежда отличалась от нарядов северных рыцарей: лёгкий сюр-ко из тонкой шерсти, перехваченный кожаным поясом, а поверх – плащ, застёгнутый серебряной брошью с гербом дома Транкавель: щит с диагональными полосами червлени и серебра.

– Ги де Монфор, – окликнул его виконт, с улыбкой жестом призывая подойти. – Позвольте представить вам виконта Каркаса, Раймона-Роже де Транкавель.

Ги слегка склонил голову, оценивающе разглядывая молодого виконта. Он знал о нём: наследник знатного рода, вассал Раймона VI, его союзник в борьбе за независимость Тулузы и Каркаса. Но стоило взглянуть на него ближе – и его возраст вызывал сомнения. Раймону-Роже было чуть больше двадцати, а он уже держал в руках не только Каркас, но и Агд, Альби, Безье, Лиму и Разес – важные стратегические территории Лангедока, контролирующие торговые пути. На короткой ноге с королями Арагона и Прованса, он умело лавировал между союзами, находя поддержку среди графов Фуа и Комменжа. В столь юном возрасте он уже играл в опасную игру, где один неверный шаг мог стоять не только владений, но и жизни.

– Честь для меня, милорд, – сдержанно произнёс Ги.

Раймон-Роже усмехнулся, но в его тёмных глазах сверкнуло любопытство.

– Надеюсь, ваш кузен не станет упрекать вас за дружескую встречу с теми, кто противится его взглядам?

Ги приподнял бровь. Это была провокация, но больше похожая на игру, чем на вызов. Взгляд Раймона-Роже был испытующим, но не враждебным.

– Турнир – место, где встречаются доблесть и честь, – уклончиво ответил Ги. – Политикам же стоит оставить свои распри за пределами ристалища.

Виконт усмехнулся.

– Хороший ответ.

Ги почувствовал неожиданную симпатию.